

В. П. Берков

О СЕМЬЕ МАСЛОВЫХ

Супружеская пара преподавателей в одном вузе — явление, в общем, не очень частое. Супружеская пара выдающихся преподавателей — явление, видимо, весьма редкое. В этой заметке будет сделана попытка рассказать о такой чете, которая бесспорно внесла значительный вклад в отечественную филологическую науку и оставила по себе самую добрую славу, — о Сарре Семеновне Масловой-Лашанской и Юрии Сергеевиче Маслове.

За некоторое время до написания этой заметки автору ее пришла мысль о том, что следовало бы издать сборник статей под условным названием «Академики Ленинградского/Санкт-Петербургского университета без академического титула», т. е. о тех наиболее ярких и значительных преподавателях нашего факультета, — в первую очередь об уже ушедших из жизни профессорах и доцентах, — которые не были удостоены титулов действительного члена или члена-корреспондента Академии наук (по крайней мере, в СССР/России), но которые по своей научной значимости не только не уступали академикам, но по большому (либо, если угодно, «гамбургскому») счету намного превосходили многих из тех, кто эти титулы имел. Среди таких многих «академиков без академического титула» достаточно назвать, к примеру, профессоров М. И. Стеблин-Каменского и Ю. С. Маслова. Не зная, представится ли автору другая возможность немного рассказать о Ю. С. Маслове, он предпочел неясной перспективе такой возможности в будущем сейчас написать о нем в связи с рассказом о его жене — С. С. Масловой-Лашанской.

В заметке не будет подробных и систематических сведений об их биографиях и научных трудах — это уже сделано. Хотелось бы рассказать о них как о людях. В этом есть и особый смысл. Вузовские преподаватели такого типа как личности оказывают большое влияние на слушателей своими колоссальными знаниями, строгой логикой изложения, уважением к слушателю и желанием доступно изложить сложные, а порой и сложнейшие, вопросы, своей увлеченностью предметом. Конечно, студенты бывают разные, это тривиально (подсчитано, что лишь 10% человечества делает свое дело, какое бы оно ни было, хорошо), но действительно хорошие студенты сохраняют о таких преподавателях память на всю жизнь.

Сарра Семеновна, будучи доктором филологических наук, не получила звания профессора и до конца своих дней оставалась доцентом, хотя она читала множество теоретических курсов, которые обычно ведут профессора, причем профессора старого, к сожалению уходящего, типа, которые (речь идет, естественно, о филологах) преподавали и теоретическую грамматику, и историю языка (с семинарами по различным его периодам), и лексикологию, и теоретическую фонетику и т. д., причем преподавали все эти дисциплины на самом высоком уровне. Это объясняется как замечательными личными чертами Сарры Семеновны, так и той превосходной филологической школой, которую она прошла в стенах филологического факультета тогда еще Ленинградского университета. А школа эта была выдающейся. Покойный профессор Е. Г. Эткинд, который был вынужден покинуть тогдашний Советский Союз и до конца жизни работал в Париже, незадолго до смерти писал, что он был знаком с преподаванием филологии в десятках зарубежных университетов, но лучше всего она преподавалась в стенах филологического факультета Ленинградского университета до войны (когда сам Е. Г. Эткинд учился на нем).

Разумеется, Сарра Семеновна руководила аспирантами, и многие ее ученики защитили диссертации. О руководстве дипломными и курсовыми работами говорить нет необходимости.

При значительной педагогической нагрузке Сарра Семеновна вела большую научную работу. Ее перу принадлежат и монографии, и значительное число статей. Она принимала активное участие в создании русско-шведского словаря. Следует отметить, что в этом словаре есть новые, оригинальные лексикографические решения, и все они были разработаны Саррой Семеновной.

Говоря о научной работе Сарры Семеновны, хотелось бы привести штрих, который характеризует на редкость дружную чету Масловых. Сарра Семеновна и Юрий Сергеевич работали дома за двумя письменными столами, составленными вместе таким образом, что супруги сидели друг напротив друга. Можно с уверенностью полагать, что они часто советовались друг с другом.

Они полюбили друг друга еще перед войной, будучи аспирантами (а может быть, еще студентами). По рассказам, они были трогательной парой. Это нежное отношение друг к другу Сарра Семеновна и Юрий Сергеевич пронесли через всю жизнь.

Переходя к личным чертам Сарры Семеновны, оказываешься в затруднении — какую из них следует поставить на первое место. Все эти черты представляют собою единое, органичное целое, неповторимый ее облик. Но все же, пожалуй, прежде всего следует назвать ее исключительную порядочность.

Автор этих строк, как, наверное, и все те его коллеги, кто работал вместе с Саррой Семеновной, называли ее про себя совестью нашей кафедры. В сложных ситуациях, неизбежно возникающих в коллективе, она всегда предлагала продуманное, здоровое и справедливое решение. Думается, у нее никогда не было повода краснеть за свои поступки или высказывания.

Ее отличало обостренное чувство долга. Это проявлялось во всем — не только в отношении к своим педагогическим обязанностям, но и к общественной работе. А общественной работой она занималась много. Во время войны, находясь в рядах Советской Армии, Сарра Семеновна, как и очень многие, вступила в партию. Вполне естественно, что на факультете ей давали различные партийные поручения. Не берусь перечислять все эти поручения и приведу один небольшой, очень частный пример (теперь уже, можно сказать, экзотический). Когда вышла книга Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (кажется, так она называлась), сотрудникам кафедры надо было ее всю законспектировать, а Сарре Семеновне партбюро поручило проверить все эти конспекты. С того времени прошло более полувека, но до сих пор помню то неловкое чувство, когда Сарра Семеновна, внимательно прочитавшая мой конспект, подробно рассказывала о своих замечаниях. Боже, думалось, чем приходится заниматься такому человеку! А таких конспектов ведь было немало, и это было отнюдь не единственное ее партийное поручение.

Еще один частный пример того, как Сарра Семеновна относилась к своему долгу. 30 декабря 1985 г., т. е. под самый Новый год,

было назначено заседание ученого совета филологического факультета по защите кандидатских диссертаций. Конечно, ожидалось, что будут проблемы с кворумом. Сарра Семеновна незадолго перед этим перенесла тяжелую травму, но, понимая возможные трудности совета, с забинтованной рукой пришла на заседание.

Она была очень скромным человеком, причем, так сказать, органически скромным, т. е. это была естественная черта ее личности. Для Сарры Семеновны были характерны неизменная доброжелательность и желание помочь человеку, будь то студент младших курсов или коллега-преподаватель. Она занималась со студентами, у которых не ладилось с тем или иным предметом, после занятий, в свое свободное время. Очень часто давала студентам свои собственные книги и словари. Дарила она книги и своим коллегам. У автора этой заметки хранится несколько книг по древнескандинавской культуре, которые ему подарила Сарра Семеновна со словами: «Они вам нужнее, чем мне».

Как и у очень многих людей, жизненный путь Сарры Семеновны не был усыпан розами. Однако удар, который супругам Масловым пришлось пережить на склоне лет, — гибель сына Сергея — был самым тяжелым. Они тяжело перенесли этот удар, но держались мужественно.

И под конец рассказа о Сарре Семеновне еще один момент — из категории тех, о которых не очень принято говорить. Она как-то рассказала мне, что когда она назвала свое имя-отчество водопроводчику, тот ответил: «А я думал, что Сарры только в анекдотах бывают». И действительно, очень многие по паспорту Сарры называют себя иначе (например, Софьями). Для Сарры Семеновны это было неприемлемо. В этом, разумеется, не было ничего националистического — национализм был ей абсолютно чужд. Просто она, видимо, считала, что замена своего имени — акт нечестный, это — желание приспособиться, сделать свою жизнь хотя бы отчасти комфортнее.

Увы, мы живем во время, когда перечисленные выше черты замечательного человека Сарры Семеновны Масловой-Лашанской — глубочайшая порядочность, обостренное чувство долга, органическая скромность, активная доброжелательность и т. д. — все вместе не являются, скажем мягко, широко распространенными в обществе. Утешением может быть надежда на то, что такие люди, как Сарра Семеновна, своей личностью делают тех, кого с ними сводит судьба, особенно младшее поколение, лучше, честнее, терпимее.

Начать краткий рассказ о Юрии Сергеевиче Маслове естественно с того, что он был лингвистом Божьей милостью. Во всех тех областях, в которых он трудился, он был Мастером в булгаковском смысле этого слова. Центральными областями его занятий, как известно, были аспектология, болгаристика и теория языкознания.

Как аспектолог он входил в число выдающихся теоретиков мира. Возможно, был лучшим из них.

Его замечательная грамматика болгарского языка, вышедшая у нас двумя изданиями, была переведена на болгарский язык, что также говорит о многом.

Автору этой заметки довелось ознакомиться со многими учебниками по введению в языкознание на разных языках. На мой взгляд, учебник Юрия Сергеевича «Введение в языкознание» является лучшим из всех них. Юрий Сергеевич был прежде всего грамматистом, но все части этого учебника написаны на таком высоком уровне, словно он был специалистом и по фонетике и фонологии, и по лексикологии, и по типологии и др. Для создания этого учебника автор освоил колоссальную литературу в различных областях языкознания. Не случайно этот учебник используется и аспирантами, и преподавателями. Вместе с тем учебник вполне доступен студентам 1-го курса, на котором читается этот предмет. Правда, студентам серьезным. Представляется, что некоторые сложности в учебнике объясняются научной честностью Ю. С. Маслова: ради облегчения работы со своим учебником он не мог допустить упрощений, противоречащих истине.

Как сказано выше, по своему вкладу в науку он бесспорно заслуживал избрания в Академию наук.

Юрий Сергеевич успел сделать в науке очень много. Но он, несомненно, успел бы сделать больше, если бы общественная работа не отнимала у него много времени. Например, как член партии (он вступил в нее в армии во время войны) он неоднократно избирался членом факультетского партбюро, а подолгу оно заседало каждый понедельник. Разумеется, ему давались различные другие поручения. Так, он руководил — и прекрасно руководил — факультетским философским семинаром (впоследствии, если память мне не изменяет, семинар стал называться методологическим). В сумме все это составило сотни, если не тысячи часов.

Как настоящий профессор он читал множество курсов. Трудно выделить здесь основные, но, пожалуй, стоит особо отметить «Введение в языкознание» (этот курс лежит в основе его замечательного

учебника) и «Историю лингвистических учений». Трудно представить себе, какого колоссального труда стоила их подготовка.

До заведования кафедрой общего языкознания он заведовал кафедрой славянской филологии, где читал ряд курсов по славистике, в том числе, естественно, и по болгаристике.

При всей своей огромной эрудиции Юрий Сергеевич внимательно следил за специальной литературой. В частности, он регулярно посещал выставки новых поступлений в библиотеках БАН и университетской.

Характеризуя Юрия Сергеевича как человека, следует выделить те же черты, которые были свойственны его жене Сарре Семеновне Масловой-Лашанской и о которых говорилось выше. Это и глубочайшая порядочность, и обостренное чувство долга, и неизменная доброжелательность. Сын русского интеллигента, киевского профессора Сергея Ивановича Маслова, Юрий Сергеевич сам был истинным русским интеллигентом в старом смысле этого слова.

Юрий Сергеевич был человеком мягким и деликатным. От него нельзя было услышать резких и обидных характеристик. Вместе с тем его отличала глубокая принципиальность. Например, экзамены он принимал неизменно доброжелательно, но строго. Он был очень требователен к себе, не прощал себе даже мелких ошибок. Один маленький пример, поразивший меня в свое время. Готовясь читать курс по введению в языкознание (по приглашению Юрия Сергеевича), я ходил к нему на лекции и семинары. Как-то раз он допустил на лекции незначительную неточность, скорее просто оговорку. После лекции он подошел ко мне и выразил сожаление по поводу этой оговорки — в общем-то, как сказано, пустяковой. Такая щепетильность была органической чертой супругов Масловых.

О щепетильности Юрия Сергеевича свидетельствует и следующий факт. В предисловии ко 2-му изданию своего учебника «Введение в языкознание» (1987) он выражает благодарность «всем лицам, которые... в печатных рецензиях, в письмах или в устной форме существенно способствовали улучшению книги». Список таких лиц насчитывает более 20 фамилий. С удивлением и чувством неловкости я обнаружил среди этих фамилий и свою: на мой взгляд, сделанное мной замечание (не считая исправления нескольких опечаток) вовсе не заслуживало включения моей фамилии в этот почетный список.

При всей его мягкости Юрий Сергеевич был человеком большого мужества. Выше уже говорилось, что сын Масловых Сергей Юрьевич, талантливый математик, погиб при невыясненных обстоятель-

ствах в автомобильной катастрофе. Этот удар судьбы супруги перенесли на редкость стойко. Будучи смертельно больным, Юрий Сергеевич до самой кончины держался мужественно.

Супруги Масловы тяжело переживали, что из-за сложных отношений с невесткой (всецело по вине последней) они были лишены возможности общаться с правнуком. Но они мало с кем делились этим.

Юрий Сергеевич всегда был готов выручить, прийти на помощь. Например, если он и коллега принимали экзамены параллельно и у коллеги еще оставались экзаменуемые, он приходил к нему в аудиторию и помогал довести экзамен до конца. Еще один небольшой пример активной доброжелательности Юрия Сергеевича. Как-то, когда в городе исчез из продажи боржомы (а мне было предписано его пить), Юрий Сергеевич принес мне на факультет две бутылки в портфеле и передал их со словами: «Мы с Саррой Семеновной решили поделиться с вами своими четырьмя бутылками».

Он был наделен превосходным чувством юмора, но никогда не злоупотреблял им, и остроумные шутки его всегда были мягкими и необходимыми.

Не все знали, что Юрий Сергеевич был прекрасным автомобилистом. Свою «Волгу» он водил уверенно и даже не без некоторой лихости. Однажды он предложил одному пожилому факультетскому коллеге подвезти его в Комарово, куда направлялся сам. За городом он развил такую скорость, что коллега забеспокоился. «Не волнуйтесь, — сказал Юрий Сергеевич, — я на таких трассах езжу со скоростью не больше 100–110 километров в час». Сам процесс вождения машины доставлял ему удовольствие.

Я знал Масловых со студенческих лет. Помню и Сарру Семеновну, и Юрия Сергеевича еще в военной форме — многие демобилизовавшиеся в тяжелые первые послевоенные годы донашивали ее (например, Л. Р. Зиндер ходил некоторое время в университет в военно-морском кителе). Впоследствии множество раз бывал в их гостеприимном доме. Так получилось, что мы особенно близко подружились после трагической гибели их сына. Звучит это, может быть, странно. Дело в том, что, вернувшись в Ленинград с юга, я с запозданием узнал об этой трагедии в их семье. Долго колебался: звонить или не звонить. Думалось, что соболезнования вряд ли Масловым нужны, а лишнее напоминание о случившемся может причинить им дополнительную боль. Все же решил позвонить, и это оказалось правильным. Им нужна была также практическая помощь,

что удалось сделать. Тогда мне Сарра Семеновна сказала с горечью: «Мы работаем на факультете не один десяток лет, а ведь вы единственный, кто позвонил нам». Это к тому, что мы часто напрасно стесняемся выразить соболезнование: в таких ситуациях людям очень нужна поддержка, теплота других людей.

В моей библиотеке к числу самых ценных книг с посвящениями наряду с книгами М. И. Стеблин-Каменского относится упомянутое 2-е издание «Введения в языкознание» с надписью Юрия Сергеевича: «Дорогому Валерию Павловичу Беркову с искренней дружбой...»

Говоря о супругах Масловых, необходимо сказать несколько слов и о третьем члене этой семьи — старшей сестре Сарры Семеновны, Марии Семеновне Лев, которая жила вместе с ними. Несколько десятков лет Мария Семеновна проработала на филологическом факультете Ленинградского университета секретарем деканата.

Мария Семеновна была уникальным секретарем. Она обладала совершенно фантастической памятью: знала по имени-отчеству не только всех работающих преподавателей, но и помнила и тех, кто работал ранее. Помнила всех аспирантов, да и очень многих студентов.

Никто не умел составлять расписание занятий, как она. Все знают, что труд этот крайне сложен: нужно держать в голове множество самых разных параметров. Она составляла расписание блестяще. Как и Сарра Семеновна, и Юрий Сергеевич, она была очень доброжелательна.

Марию Семеновну с неизменной теплотой вспоминают представители старшего поколения сотрудников и выпускников филологического факультета нашего университета.

Выйдя на пенсию, она всецело посвятила себя обеспечению быта Юрия Сергеевича и Сарры Семеновны. Этой замечательной семье не стало в течение месяца — в августе-сентябре 1990 г. Умер от неизлечимой болезни Юрий Сергеевич, через две недели скончалась Сарра Семеновна, а еще через две недели ушла из жизни Мария Семеновна. Едва ли смерть сестер после кончины Юрия Сергеевича случайна: видимо, жизнь потеряла для них смысл.

Так закрылась одна яркая страница истории филологического факультета ЛГУ/СПбГУ.